

ПРИНЦИПЫ РАЦИОНАЛЬНОЙ КРИТИКИ

Значение критики для рационализма очевидно и бесспорно. Кризисные эпохи, когда рационализму приходится защищать свое право на ведущую роль в культуре, еще усиливают эту очевидность. Эти эпохи всегда густо насыщены критикой, но далеко не всегда - рациональной. Критика оружием соблазнительна своей мнимой неотразимостью. Свежо звучавшая в иные времена мысль о том, что критика - это рычаг, опрокидывающий отжившие жизненные формы, становится банальностью со зловещим смысловым оттенком. После оргиастического взрыва приходит мучительное отрезвление, и мы замечаем, что опрокинуто слишком многое. Сова Минервы начинает свой вечерний полет, и это означает, что до радостного утра предстоит пережить долгую и мрачную ночь.

Рациональная критика - дело, требующее терпения и напряжения интеллектуальных и нравственных сил. Когда эти ресурсы истощены, наступает разрыв между Разумом и критицизмом - и это верный признак духовной деградации общества, предвестник его физического распада.

"Постмодернисты", сегодняшние законодатели философской моды, правы, отмечая, что неумность критического отношения к прошлому, безудержная погоня за новшествами обращают в ничто настоящее. Да и будущее превращается в манящий и ускользающий призрак. Но взбесившийся критицизм они пытаются обуздать иронией. Иронический критицизм - отличное развлечение, игра, в которой не бывает побежденных. Нет и победителей. "Критика всерьез", опирающаяся на авторитет рациональности, осмеивается. Но в этом смехе трудно узнать подлинное веселье. Бесстрашие и изощренность только на первый взгляд выгодно отличаются от напряженной сосредоточенности интеллекта, ибо смешение идолов и идеалов, верха и низа,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований.

подлинного и поддельного чрезмерно раздвигает рамки игры, захватывающей все пространство и время

человеческой жизни. Соблазнительность игры опровергается трагическим опытом; и древние греки знали, что боги жестоко карают тех, кто дерзко подражает беззаботному веселью бессмертных олимпийцев.

В отличие от постмодернистов "критические рационалисты" - как это следует уже из названия этого философского и социально-политического направления - отводят рациональной критике центральную роль во всех отвлеченно-мыслительных и конкретно-практических сюжетах. Разум способен подвергнуть критике все, что существует вне человека и его сознания, а также все, что порождено им самим. Для его критической мощи нет преград. Табу, традиции, догмы, идейные и идеологические клише, авторитеты - все это только объекты его анализа и критики, всему он выносит свой вердикт. Разум отвергает все сверхъестественное и даже законы природы для него - это только гипотезы, подверженные критике и сомнению. Человек полагается на Разум, действуя на свой страх и риск, ошибаясь и учась на ошибках, используя любое реальное достижение и успех, но помня, что всякое суждение может быть опровергнуто вновь найденными доводами и фактами.

Разум, на который уповает философия К. Поппера, - это критика всех и всяческих абсолютов, производимых до уровня заурядных человеческих мнений. П.Я. Чаадаев писал: "Правильно организованный разум стремится к покорности, к вере, так точно, как дурно организованный отталкивает всякую веру, противится всякой покорности"¹. В этом смысле Разум "критического рационалиста" дурно организован и обречен наказанию Сизифа: вечно искать истину, а удостовериться лишь в собственных заблуждениях. Свою власть Разум употребляет только на поддержание бесконечной перспективы поиска и, подобно Фаусту, не может удовлетвориться каким-либо достигнутым успехом, ибо остановка для него равносильна гибели.

Действительно, в философии К. Поппера критика есть *modus vivendi* Разума. Эта философия руководствуется принципом "Все открыто для критики" - в том числе и сам этот принцип. Это наиболее общая установка, "базис всей эпистемологии и методологии", по выражению К. Поппера². Однако методологический статус этого базисного принципа далеко не очевиден. Более того, можно усмотреть в этом принципе признаки "порочного круга". На это обратил внимание один из учеников К. Поппера - У. Бар-

тли: принцип фальсифицируемости научных суждений либо нефальсифицируем (и следовательно, не является научным суждением), либо фальсифицируем, но тогда неясны основания подобной фальсификации. Перед философией и методологией науки открывается малопривлекательная перспектива *regressus ad infinitum* в поисках рациональных критериев критики... критериев рациональности.

К. Поппер, сознавая эту трудность, отмечал, что рационализм, основанный на принципе критицизма, не обязательно связывает себя с положительным решением проблемы обоснованности или оправданности предпосылок критики. "Критика, вообще говоря, может быть неверной, но тем не менее важной, открывающей новые перспективы и поэтому плодотворной. Доводы, выдвинутые для защиты от необоснованной критики, зачастую способны пролить новый свет на теории и их можно использовать в качестве (предварительного) аргумента в пользу этой теории"³. В этих высказываниях сквозит мысль о том, что критика сама по себе обладает ценностью - не только в науке, - а вопрос о критериях и обоснованности этой критики отходит на второй план.

В самом деле, рассуждает К. Поппер, если даже предположить, что существуют абсолютные и бесспорные критерии рациональности (и тем самым вывести их из-под возможной критики), то необходимой предпосылкой всякой рациональной дискуссии является признание всеми ее участниками этой абсолютности и бесспорности. А это возможно только в том случае, если эти участники *уже являются рационалистами*. "Можно сказать, что рационалистический подход сначала должен быть принят и только после этого могут стать эффективными аргументы и опыт. Следовательно, рационалистический подход не может быть обоснован ни опытом, ни аргументами". В основании рационалистического подхода лежит "иррациональная вера в разум"⁴.

Следовательно, действительно предпосылкой рациональной критики является не обоснованность и истинность предпосылок аргументации и даже не некие абсолютные критерии рациональности, а сама *ситуация рациональной дискуссии*, возможная только тогда, когда ее создают "единоверцы" - рационалисты, верящие в Разум. Возникновение и поддержание такого рода ситуаций требуют *демократического устройства* сообщества рационалистов. Образцовой моделью такого сообщества является "Большая Наука", излюбленная мечта и идеал К. Поппера. Принцип рациональности, разделяемые учеными, и установка на рациональную критику - не просто методологические регулятивы, а

credo и моральные обязательства. В идеале нормы общественного поведения могут совпадать с моральной регуляцией, пронизанной духом рационального критицизма - это и есть *рациональная демократия* или "открытое общество".

Таким образом, демократия есть истинная предпосылка критической рациональности, как и рациональность - предпосылка демократии. Нет ничего более демократичного, чем самодержавие Критического Разума.

В этом - ответ "критического рационализма" на проблему Декарта. "Естественный свет разума", распространяющийся в поле понимания, структурированном "врожденными идеями", дает направление движения познания. Но что является причиной самого движения? Почему мысль не останавливается ни на одном из своих результатов? Интерпретируя Декарта, М.К. Мамардашвили указывал, что таковой причиной основоположник классического рационализма полагал жизненное самоосуществление мыслящего "Я". Мыслить и существовать - это значит постоянным усилием поддерживать движение мысли. "Знание существует... как нечто такое, что непрерывно производит другое знание и что все время находится в принципиально переходном состоянии"⁵. Что же обеспечивает это состояние, что не дает угаснуть жизненному порыву "Я", поддерживает напряжение силовых линий в "когитальном поле"? Ответ Декарта: эта непрерывно творящая и поддерживающая свое творение сила - Бог, конечный источник "естественного света разума". К. Поппер ищет иной ответ: эта сила - соединение процесса познания с особыми цивилизационными условиями его осуществления, это "открытое общество".

Демократия, оторванная от рациональности и критики - нечто противоречивое, неприглядное и опасное. Рациональность и критика без демократии - нечто беспомощное, безжизненное и практически невозможное. "Критический рационализм" исходит из того, что лишь единство этих начал дает надежду на реализацию как научно-познавательных, так и социальных идеалов.

Но "демократия" и "рациональность" - не синонимы. Их смысловая сопряженность позволяет останавливать регресс в поисках фундаментальных предпосылок или абсолютных критериев рациональности. Но вопрос о критериях не снимается. Понятно, что никакая критика не может считаться рациональной, если критическая аргументация не опирается на принятые основы, принципы, критерии рациональности. Поэтому проблема выявления и выбора этих основ является фундаментальной в теории

познания вообще и в теории рациональности в частности. Однако, как мы увидим ниже, к этой проблеме не сводится выяснение того, чем является рациональная критика.

Когда пытаются вывести характер рациональной критики из "фундаментальных" определений рациональности, неизбежно возникают трудности, связанные с самой стратегией гносеологического фундаментализма, например, философский трансцендентализм во всех своих модификациях исходит из метафизической природы рационального: критерии рациональности совпадают с конструкцией "трансцендентального субъекта". В этом - сила трансценденталистской стратегии, позволяющей последовательно выстраивать философскую картину мира и сообщать высокую одухотворенность и эстетический смысл культуре. Но в этом же слабость - поскольку трансцендентализм постоянно вынужден отвечать на вызов исторического времени, культурно-жизненной реальности, сопротивляющейся диктату метафизики.

Тема эта заслуживает особого рассмотрения. Здесь напомним о затруднениях, с какими сталкивалось метафизико-трансцендентальное определение принципов рациональности Декарта и Канта, когда вынуждалось к очной ставке с результатами и методами науки, развивавшейся отнюдь не в соответствии с гносеологическими схемами этих мыслителей. В ряду этих затруднений можно указать на барьер, перед которым остановился Декарт, - а за барьером находился математический анализ с его "неясными" и "неотчетливыми" (и следовательно, по Декарту, "нерациональными") понятиями "бесконечно малой величины" и "дифференциала", шагнуть же через эту преграду смогли Лейбниц и Ньютон, метафизический гений которых шел к иной конструкции рациональности. Сюда же относятся знаменитые заблуждения Декарта, выводившего законы соударения тел из принципов рациональности, заключенных в его метафизике, конфликт кантовой трансцендентальной эстетики с открытием неевклидовых геометрий и многое другое.

Трансценденталистская стратегия так или иначе трансформировалась в "абсолютизм" - теорию рациональности, полагающую принципы рациональности вечными и неизменными. Это вело к затяжному конфликту с реальностью познавательных процессов (в науке и за его рамками), а как следствие - вызывало недоверие ученых к метафизике и умозрительным теориям рациональности.

В полемике с трансцендентализмом, опираясь на некоторые идеи эмпиризма, сформировалась иная стратегия: вывести кри-

терии рациональности из истории тех форм деятельности, которые - по определению - воплощают в себе рациональность. Например, критерии научной рациональности должны выводиться из перипетий исторически развивающейся науки. Это был замысел, обратный мыслительному ходу трансцендентализма: не от конструкции "мыслящего Я" к реальному мышлению предметного уровня, а от изучения исторически реализуемых познавательных процессов - к предпосылкам этих процессов. Это выглядело привлекательно в глазах приверженцев эмпирической науки: полем эмпирических исследований становилась история и реальная практика самих же научных исследований, научные методы применялись к изучению самой науки. На первый план эпистемологических студий выдвигались результаты и средства апробированных научных дисциплин: психологии, социологии, истории науки и т.д.

Однако соблазнительность замысла столкнулась с сопротивлением парадокса. Исследователь *интерпретирует* результаты своих наблюдений, будь то историко-научный или "этно-методологический" анализ научных процессов. И эта интерпретация существенно зависит от критериев рациональности, лежащих в основании интерпретативной теории, используемой для этих целей. Поэтому, надеясь отыскать в истории или в исследовании современных ему процессов рационального познания ответы на вопросы о рациональности, взявшийся за эту задачу отыщет лишь сумму подтверждений или контрпримеров для собственных "априорных" представлений о рациональности. Выход из логического круга не просматривается.

Разновидностью подобной стратегии, имеющей, впрочем, самостоятельное значение, поскольку с ней связывают надежды "экстерналисты"-методологи, объясняющие развитие науки "внешними" по отношению к ней факторами, является попытка вывести критерии рациональности из общественных традиций, культурных реалий, политических или экономических характеристик той или иной эпохи. Помимо прочих критических замечаний, какие могут быть направлены в адрес этой попытки, главное в том, что она также не свободна от логического круга. Каким бы ни было множество "внешних" факторов, принимаемых в расчет при определении рациональности, оно само требует рационального анализа, систематизации и теоретического рассмотрения. Того же требует анализ связей между этими факторами и определяемыми принципами рациональности. Логический круг возобновляется. Если же допустить, что внешние "детерминанты"

рациональности сами не подлежат рациональному анализу, то придется признать, что рациональность выводится из чего-то рационально непостижимого. Поскольку здесь речь идет не о предпосылках самой возможности и рациональной дискуссии, а о критериях рациональности - такой вывод совершенно неприемлем.

Указанные затруднения побуждают некоторых исследователей вообще отказаться от попыток определения "рациональности как таковой". Проблемы, связанные с такими попытками, объявляются "псевдопроблемами", а само понятие "рациональность" - "псевдометодологическим"⁶. Вместо того, чтобы говорить о "рациональном действии" или "рациональном суждении", говорят об эффективности, целесообразности, непротиворечивости и т.п. Тем самым понятие "рациональности" якобы элиминируется в духе "бритвы Оккама", однако этот прием нельзя провести последовательно. Анализ суждений или действий на их соответствие требованиям целесообразности, эффективности, непротиворечивости и т.д. нуждается в опоре на представление о рациональности, не сводимые ни к "целесообразности", ни к "эффективности", ни к другим понятиям-заместителям, при помощи которых пытаются осуществить эту элиминацию.

Мы видим, что проблема выведения понятия "рациональная критика" из понятия "рациональность" далека от удовлетворительного решения. Более того, есть основания предполагать, что эта проблема вообще не может быть решена нетривиальным образом; в лучшем случае приходится довольствоваться тавтологией - критика рациональна, если она соответствует критериям рациональности. Конечно, это не многое добавляет к пониманию рациональности и рациональной критики.

В связи с этим мы вновь возвращаемся к идеям К. Поппера, чтобы затем сделать шаг в сторону от них. Вслед за Поппером необходимо подчеркнуть особое значение критики для понимания рациональности. В самом деле, о рациональности мысли или действия имеет смысл говорить тогда, когда мысль или действие наталкиваются на сопротивление иной мысли или иного действия, соперничают с ними. Прибегая к старому, но верному сравнению, можно было бы сказать, что как о собственном сердце мы вспоминаем тогда, когда оно болит или сверхобычно нагружено, так о рациональности мы помысливаем, когда она поставлена под вопрос. "Ситуация критики" - это и есть та самая ситуация, в которой рациональность может обнаружить самое себя. "Рациональность" и "критика" чрезвычайно тесно сопряжены по

смыслу. Поэтому напрашивается идея: исследовать характеристики критики, в которых заведомо проявляет себя рациональность, и тем самым продвинуться в понимании рациональности.

Призрак порочного круга пока не исчез, но он уже не страшен. Смысловая сопряженность "рациональности" и "критики" позволяет исследовать оба понятия в опоре друг на друга, не увлекаясь поисками формальных определений.

Эта сопряженность уже отмечена в литературе. Иногда ее истолковывают как признак "более высокого" типа рациональности. В.С. Швырев называет "закрытой рациональностью" систему принципов и критериев, применяемых в стандартных, конвенциональных ситуациях мысли и действия⁷. Аналогичное понимание находим у А.И. Ракитова, определяющего рациональность как систему "замкнутых и самодостаточных правил, норм и эталонов, принятых и общезначимых в рамках данного социума для достижения социально-осмысленных целей"⁸. "Замкнутость" или "закрытость" рациональности проявляется в том, что интеллектуальная работа "протекает в некоем закрытом концептуальном пространстве, очерчиваемом содержанием некоторых утверждений, выступающих в данном познавательном контексте как исходные, не подлежащие критическому анализу"⁹. "Закрытая рациональность" невосприимчива к критике собственных принципов, рассматривает эту критику как проявление иррациональности и тем самым отрезает себе путь к самоизменению.

"Размыкание" системы критериев рациональности, ее изменение, трансформация в некую иную систему, существенно отличную от данной, означает переход к более высокому типу рациональности - "открытой рациональности". Необходимым моментом "открытой" рациональности, который отличает ее от "закрытой", является установка на критический рефлексивный анализ исходных предпосылок концептуальных систем, лежащих в основе данной познавательной позиции, определяющей ее "парадигмы"¹⁰. "Открытая" рациональность (в другом месте я назвал подобную интерпретацию рациональности "критико-рефлексивной"¹¹), в отличие от "закрытой", неразрывно связана с критикой, которая есть ее душа и внутренняя причина.

Итак, "закрытая" и "открытая" рациональность существенно различаются своим отношением к критике. "Закрытая" рациональность допускает критику только как применение своих собственных принципов (в частном случае - предпосылок некоторой фундаментальной теории, образующей каркас данной системы

рациональности) к иному, внешнему для себя, объекту; самокритика в рамках "закрытой" рациональности либо вовсе невозможна, либо тривиальна - как обнаружение погрешностей или ошибок, например, логических. В терминах К. Поппера "закрытая" рациональность допускает только "трансцендентную критику". "Открытая" рациональность обнаруживает себя в "ситуациях критики" тем, что способна видеть в системе предпосылок и принципов критикуемого объекта "иную рациональность", но не "иррационализм", и работать в этой системе аналитически (К. Поппер называет это "имманентной критикой"¹²), а также - и это главное - воспринимать критику в адрес своих собственных принципов и предпосылок не как нечто враждебно-иррациональное. "Открытая" рациональность способна на самокритику, которая может вести к отказу от некоторых собственных принципов или их модификации, принятию новых принципов и т.д. Она способна как бы взглянуть на себя со стороны, дать самой себе непредвзятую оценку, скорректировать свою позицию, если этого требует ситуация. Быть может, из-за этого более широкого и, если угодно, более умного отношения к критике "открытая" рациональность выглядит "более высоким" типом рациональности.

Однако такое расположение "типов рациональности" по шкале оценок ("менее высокий", "более высокий" и т.п.) представляется малопродуктивным. Прежде всего сомнительна идея "прогресса" рациональности как некоего субстрата - от низших к высшим типам. Если же "менее высокие" и "более высокие" типы рациональности сосуществуют друг с другом, возникает естественный вопрос об их связях. А это, в свою очередь, влечет фундаментальное вопрошание о рациональности связей между типами рациональности и т.д. Как раз над этим-то методологическим рассуждением и нависает лезвие "бритвы Оккама"!

Я исхожу из иной методологической гипотезы: *"закрытая" и "открытая" рациональности образуют базисную смысловую сопряженность*, имеющую фундаментальное значение для гносеологических исследований этой темы. "Ситуация критики" выявляет эту сопряженность и проблематизирует ее.

Например, любая "закрытая" система критериев рациональности обречена на "дегенерирование", если она, сталкиваясь с противодействием иной системы, лишь отгораживается от нее, критикуя как "иррациональную". Здесь уместна аналогия с судьбой научно-исследовательской программы, которая занята исключительно своим самооправданием перед лицом аномалий и

не обеспечивает прирост нового эмпирического знания. Она, как заметил И. Лакатос, вырождается и уступает место более продуктивной (имеющей "позитивную эвристику") научно-исследовательской программе.

Изобретательность ученых - если говорить только о научной рациональности, - направленная на формирование новых научно-исследовательских программ (или, по аналогии, новых систем критериев рациональности), можно назвать "открытой" рациональностью. Но "открытость" относительна, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, изменение систем критериев рациональности всегда ограничено. Даже когда изменение затрагивает "твердое ядро" научно-исследовательской программы (например, принцип неизменности химических элементов вытесняется фактом трансмутации на внутриатомном и ядерном уровне, принцип континуализма в описаниях и объяснениях энергетических взаимодействий - квантовым дискретизмом и т.п.), даже когда заменяется система логических правил оперирования с высказываниями (например, когда принципы т.н. "квантовой логики" заменяют в рассуждениях, сформулированных в объектном языке, логические правила коммутативности конъюнкции и дизъюнкции) - всегда эти изменения имеют лишь частичный характер и происходят на фоне относительной стабильности большинства принципов и критериев рациональности. Можно сравнить "открытую" рациональность с домом, где распахнуты двери и окна, но не с грудой обломков на месте бывшего дома.

Во-вторых, всякое изменение системы критериев и принципов рациональности, всякий выход за рамки "закрытой" рациональности непременно устремлен к новой устойчивости, новой "замкнутости" и систематичности. Без этой устремленности поиск новой рациональности превратился бы в бессмысленный дрейф, изменение ради изменения. Такая "открытость" не только не имела бы никаких ценностных преимуществ перед "закрытой" рациональностью, но очевидным образом обращалась в полную эклектику.

Как бы не был смел поиск, как бы решительно он не отталкивался от прежних рамок, он все же постоянно имеет их в виду, использует из преодолеваемой системы все, что сохраняет жизненную значимость. Этот поиск никак нельзя уподобить беспомощным блужданиям в потемках, как если бы внезапно погасли источники "естественного света" разума. Напротив, они светят

тем ярче, чем решительнее и резче вопросы, предъявляемые самым признанным и якобы незыблемым основоположением.

Отношения между "закрытой" и "открытой" рациональностями можно изобразить в форме парадокса. Подчинив свою деятельность (интеллектуальную или практическую) некоторой "закрытой" системе критериев, субъект лишается способности критической рефлексии. Он заточает свой ум в ловушке догмы, а "ситуация критики" воспринимается им как неприятность, от которой следует поскорее избавиться. Побуждение к ревизии своей рациональности, улучшению или замене ее иной рациональностью - это безумие, позыв "иррационального". Творчество, риск, экстатическое напряжение духа осознаются как прекрасное сумасшествие, дионисийство, игра грозных и загадочных сил. Но изумление духа как раз и состоит в том, что это "безумие" - яркое выражение рациональности, присущей человеку.

"Парадокс рациональности", подробно рассмотренный мною в другой статье¹³, - это лишь *façon de parler*; форму логического противоречия этот "парадокс" обретает только в том случае, когда соотношение "закрытой" и "открытой" рациональности трактуется строго дилемматически: либо одно, либо другое, но не то и другое вместе и в зависимости друг от друга. В упомянутой статье я намеренно акцентировал эту дилемматичность, поскольку это давало возможность заострить рассуждения об аналогичных дилеммах в сфере этического (добавлю - и во всех прочих сферах, где происходит приравнивание моделируемого объекта и его модели; например, нормативной модели языка и живой языковой действительности). Здесь мне важнее подчеркнуть не "парадоксальность", а *дополнительность* "открытой" и "закрытой" рациональностей.

Сформулированный Н. Бором в связи с интерпретацией квантовой механики принцип дополнительности имеет универсальную методологическую значимость. В наиболее общей форме этот принцип требует, чтобы для воспроизведения целостности исследуемого объекта применялись "дополнительные" классы понятий, которые, будучи взяты раздельно, могут взаимно исключать друг друга. "Парадоксальность" рациональности - это и есть следствие того, что описания "закрытой" и "открытой" рациональностей отделяются одно от другого; отсюда же представления о них как о различных типах рациональности. Когда же задача состоит в "воспроизведении целостности", каковой, разумеется, является рациональность, то дополнительными классами понятий выступают такие характеристики, которыми определены

два основных способа моделирования рациональности - нормативно-критериальный ("закрытая рациональность") и критикорефлексивный ("открытая рациональность"). Эти классы понятий суть модели *одного и того же объекта*. Взятые в раздельности, они дают противоположные определения рациональности; тогда совмещение противоположностей даст в итоге "парадокс рациональности". Взятые совместно, они удовлетворяют принципу дополнительности.

Поэтому принцип дополнительности может быть назван *универсальным принципом теории рациональности*.

Здесь необходимо уточнение. Сказанное об "открытой" и "закрытой" рациональностях допускает тривиальную трактовку как различие "состояний" или "фаз" рациональности: статической и динамической, результата и процесса. Чтобы уйти от этой тривиальности, следует подчеркнуть не различие этих "фаз", а их смысловое единство. Статическая и динамическая модели описывают один и тот же объект дополнительным образом - в этом суть предлагаемого подхода.

Вернемся к характеристикам рациональной критики, опираясь на принцип дополнительности в указанном смысле.

Важнейшей, хотя и не вполне очевидной, предпосылкой рациональной критики является *рациональная реконструкция* критикуемого объекта. Только то, что "препарировано" и представлено в свете рациональности, может быть подвергнуто рациональной критике.

Хотя эта констатация является лишь элементарным следствием рационалистической позиции, распространен предрассудок, по которому критика рациональна именно тогда, когда ее объект полагается нерациональным; критика как бы призвана восстановить или установить рациональность там, где ее нет или где она искажена, нарушена, неполна. Например, если банк выдает льготный кредит заемщику с сомнительной репутацией без достаточных гарантий возврата кредита в установленный срок, любой эксперт назовет такое действие нерациональным или попросту глупым, если только не предположит злой умысел или коррупцию. Но этот пример не опровергает, а, напротив, подтверждает тезис о рациональной реконструкции объекта критики. Эксперт потому и назовет действия незадачливого банкира нерациональными или дурацкими, что подвергает их рациональной реконструкции, выявляет основания, логику, цели этих действий, сравнивает их со своими представлениями о рациональности подобных действий.

Рациональная реконструкция - универсальный принцип рациональной критики. Подобно Мидасу, своим прикосновением обращавшим все предметы в золото, рациональная критика превращает любые свои объекты в рациональные конструкты. Любой фрагмент реальности в призме рациональной критики предстает "рационализированным". Реальность преобразуется наложением на нее "культурной матрицы", в которой преобладают рациональные элементы.

В этом смысле *рациональность критики всегда имеет дело только с рациональностью*. Любая иррациональность, любая декларация отречения от Разума, любая бессмыслица, поток сознания, бред, мистическое откровение, молитва или заклинание, совокупность впечатлений, переживание, потрясение красотой или ужасом - все это может подвергаться рациональной критике только при условии, выполнение которого обязательно, *sine qua non*: "Это" должно стать "рационализированным объектом". "Иррациональное" поэтому имеет два смысла: либо это то, что не является на суд Разума, не признает его, не допускает никакой рациональной критики, либо то, что, с точки зрения Разума, не удовлетворяет неким его критериям (впрочем, критик, берущий на себя смелость выступать на этом суде от имени Разума, конечно, слишком смел; ведь и обвиняемый имеет право на собственную защиту, и еще неизвестно, кто из них "действительно рационален"!)). Эти смыслы часто смешивают, что и приводит к многочисленным философским недоразумениям. Рациональная критика в первом случае совершенно невозможна и бессмысленна, ибо у критика просто нет объекта. Во втором случае критика и возможна, и осмыслена, но при двух необходимых условиях. Одно уже было названо - это рациональная реконструкция критикуемого объекта. Второе - это готовность критики предъявить основания этой реконструкции. Основания могут трактоваться по-разному, в зависимости от того, "закрыта" или "открыта" рациональность критика. Апологет "закрытой" рациональности трактует их как критерии рациональности, незыблемые "законы Разума". Сторонник "открытой рациональности" должен признать относительность оснований, возможность их пересмотра. Но в любом случае предъявление этих оснований означает принципиальную обратимость рациональной реконструкции. Назовем это условием *рациональной декомпозиции*. Выполнение этого условия означает, что рациональная критика обязана считаться с артефактичностью своего объекта. *Сочетание рациональной реконструкции с рациональной декомпозицией, как того*

требует принцип дополнительности, можно считать универсальным принципом рациональной критики.

Применение этого принципа означает, что рациональная критика не позволяет замкнуться в рамках односторонних "определений" рациональности как "открытой" или "закрытой".

Выявление оснований рациональной критики предполагает *рациональную рефлексию*. Рациональность рефлексии также должна рассматриваться сквозь призму принципа дополнительности. С одной стороны, обращение к собственным основаниям должно соответствовать самим же этим основаниям; в этом смысле критика как бы смотрится в зеркало, где, разумеется, видит только собственное отражение. С другой стороны, обращение к основаниям предполагает критическую установку по отношению к ним, а эта установка уже не может опираться на данные основания (чтобы не впасть в уже известный капкан "порочного круга"). Поэтому рациональная рефлексия - это динамическое равновесие между "рациональным шовинизмом" (по выражению П. Фейерабенда) и "рациональным панкритицизмом" (по терминологии У. Бартли).

Рациональный шовинизм необходим для критики, которая иначе погрязла бы в бесконечном самоанализе и не смогла бы сделать даже первый шаг в развитии критической аргументации. Но в то же время "шовинистическая рефлексия" не имела бы смысла, не будучи связана с возможным признанием иной рациональности, иных оснований критической аргументации. Дополнительность "закрытой" и "открытой" рациональности выявляется и в этом сочетании важнейших характеристик "ситуации рациональной критики".

Образцом и примером рациональной системы с рефлексией является наука¹⁴. Научные системы (теории, исследовательские программы и пр.) постоянно находятся в ситуациях рациональной критики. Жизнь этих систем - непрерывное преодоление сопротивления как со стороны исследуемых объектов, так и со стороны конкурирующих систем. Условия интеллектуального соперничества диктуют необходимость одновременного действия "рационального шовинизма" и "рационального панкритицизма". Расщепление этих характеристик вело бы к непродуктивности научных споров либо к полной невозможности таковых.

Заметим, что гипертрофия "рационального шовинизма" порождает некий аналог проблемы "несоизмеримости" научных теорий ("парадигм"), так долго будоражившей философов и методологов науки (главным образом, благодаря провоцирующим

усилиям Т. Куна и П. Фейерабенда). В данном случае речь могла бы идти о "несоизмеримости" различных систем критериев рациональности. Если "закрытость" таких систем абсолютизируется, диалог между "закрытыми" рациональностями вообще невозможен. Для взаимной критики нужна некая общая основа, существование которой отвергается "закрытостью". Это и порождает проблему. Однако признание смыслового единства "закрытой" и "открытой" рациональностей снимает эту трудность как псевдопроблему.

Прямым следствием этого признания является сочетание таких характеристик "ситуации критики" как *рациональный монизм и рациональный плюрализм*. И это - принципиальные характеристики. Рациональный монизм - это принцип, в соответствии с которым нет и не может быть "несоизмеримых" рациональностей. Рациональность всегда имеет общую основу, позволяющую вести осмысленный спор между различными системами рациональных критериев. Конечно же, взятая в изоляции, позиция рационального монизма легко переходит на уже оставленные нами рельсы, уводящие в бесконечный регресс поисков этой общей основы, либо провоцирует суждение догматизма, в котором за универсальную основу рациональности принимается некая "абсолютная" система критериев - что и гарантирует неизбежный конфликт с историческим движением Разума. Рациональный плюрализм допускает различные не создаваемые друг к другу рациональности. И этот принцип, взятый в отдельности, грозит переходом к вульгарному релятивизму. Поэтому оба принципа имеют методологическую значимость только в свете принципа дополнителности, применяясь в зависимости от того, "закрытость" или "открытость" рациональности выступает на первый план в анализе.

Укажем еще на ряд важных для понимания рациональности характеристик "ситуации критики". *Рациональная консистентность* - это требование непротиворечивости и последовательности критической аргументации. Выполнение этого требования - обязательное условие всякого рационального рассуждения. Оно позволяет обнаруживать противоречия и иные логические недостатки в объекте критики. Однако обнаруженное противоречие не является решающим аргументом для признания иррациональности объекта. Например, когда была выдвинута "планетарная" модель атома, критикам не составляло труда обнаружить ее противоречивость: опираясь на классические физические принципы, она в то же время противоречила им (в частности, принципам

максвелловской электродинамики). Это отнюдь не означало какой-либо "нерациональности" теории Резерфорда, а, напротив, побуждало к пересмотру рациональных оснований всей физической картины мира, на которую, естественно, могла бы опираться критика этой теории. История науки изобилует подобными примерами. Они свидетельствуют о том, что "рациональность" - понятие более широкое (и глубокое!), чем "непротиворечивость". Обнаружение противоречий в объекте часто играет роль сильнейшего стимула для развития как критики этого объекта, так и для самокритики оснований этой критики. В целом же подобные ситуации обладают исключительной ценностью для развития всех видов рациональной деятельности¹⁵. Поэтому уместно применить термин "*рациональная дискокусистентность*" для обозначения той характеристики "ситуации критики", которая является дополнительной к "рациональной консистентности".

Характеристиками, производными от принципа рациональной реконструкции и рациональной декомпозиции, можно считать *рациональный холизм* и *рациональный партикуляризм* критики. Их смысл прост: критика может быть направлена на некоторый объект, понимаемый как систематическое единство всех смысловых взаимозависимостей входящих в него элементов (холизм), либо на отдельные элементы этого объекта, взятые в своей смысловой автономности, либо на смысловые "блоки" таких элементов (партикуляризм). Понятно, что направление критики существенно зависит от способа рациональной реконструкции объекта, равно как и от возможности рациональной декомпозиции.

Холизм и партикуляризм рациональной критики - характеристики взаимообусловленные и дополнительные. Абсолютизация одной из них ведет к методологическим затруднениям. К. Поппер отвергает "холистическую" критику социальных систем, справедливо указывая на ее методологическую бесплодность. Абсолютизированный холизм - следствие "закрытой" рациональности, свойственного ей догматизма. В то же время и абсолютизация "партикуляризма", в которой склоняется методология социальной критики К. Поппера, столь же несостоятельна. Оппоненты К. Поппера не раз отмечали, что его "технология постепенных социальных преобразований" (the piecemeal social engineering) имеет смысл только в связи с некоторыми общими представлениями о направлении этих преобразований, определенными критериями, по которым оценивается ход общественного развития. Поэтому нафос попперовской критики в адрес

"холистов", вызываемый абсолютным неприятием "историцистских" претензий, должен быть сильно смягчен.

То же можно сказать о *рациональном эссенциализме* и *рациональном феноменализме*. К. Поппер против эссенциализма в методологии, но его критика этого принципа оправдана только тогда, когда речь идет об "абсолютизированном" (или оторванном от "феноменализма") эссенциализме. Рациональная критика объекта, представленного в его рациональной реконструкции, связана с вычленением системообразующих элементов, основных принципов действия системы ("анализ идет к сущности"); в то же время она связана с описанием работы этих принципов, "проявлений" сущности системы. Различение "эссенции" и "феномена" в рамках рациональной критики - всегда следствие принятой рациональной реконструкции; "открытость" рациональности предполагает плюрализм реконструкций и, следовательно, относительность различения "сущности" и "явления". Критика, направляемая против "эссенции", чаще всего связана с противопоставлением различных пониманий объекта, различных "сущностных определений, различных принципов системообразования. Критика "феноменов" - это аргументация "за" и "против" тех или иных "сущностей".

Рациональная критика характеризуется *диахронизмом* и *синхронизмом*. Обе эти характеристики вытекают из некоторых основополагающих установок рациональности. Для рациональной реконструкции объекта необходима его "препарация", остановка реального развития, движения. В то же время данное состояние объекта (которое и подвергается критике) находится в причинной зависимости с предыдущими и последующими состояниями. Понимание объекта требует понимания его развития, его истории. Но и развитие, и история - также могут быть объектами рациональной реконструкции. Рациональность обнаруживается в сочетании исторического и логического, динамики и статики, диахронического и синхронического анализа.

Рациональная реконструкция предполагает определенную самотождественность объекта. Поэтому она включает в себя результаты *идентификации* (маркировки), производимой известными методами. Совокупность этих результатов обеспечивает "внешнюю идентичность" объекта (и его составных частей). В то же время при критическом анализе широкого класса объектов, в первую очередь - социальных, *внешняя* идентификация может не совпадать с *внутренней*, вытекающей из саморефлексии этих объектов. Например, критикуя политическую партию за экстре-

мизм и радикализм, следует помнить, что приверженцы этой партии могут иначе идентифицировать свои взгляды, оценивать их по иной шкале оценок. Чтобы критика такого ряда была рациональной, необходимо допустить возможность сопоставления различных методов и принципов идентификации, если даже они приводят к существенно различным результатам. То же самое относится к *рациональному целеполаганию*: критика целей, положенных в основу функционирования объекта, должна считаться с "иной рациональностью", определяющей иные цели.

Последний момент особенно важен в связи с тем, что по традиции, идущей от М. Вебера, рациональность часто отождествляют с соответствием между целью и средствами ее достижения. Такое отождествление правомерно только в очень узком методологическом диапазоне и не может претендовать на роль философского обобщения. Но и в тех случаях, когда оно допустимо, рациональная критика не может ограничиваться анализом предполагаемого соответствия. Так или иначе она вынуждена ставить вопрос о рациональности целей, а это означает диалог целеполаганий, продуктивность которого во многом зависит от "открытости" его участников.

Названные здесь характеристики "ситуации рациональной критики" не составляют исчерпывающего ряда. Выявление и исследование подобных характеристик не может быть задачей одной статьи. Но уже теперь можно сделать определенные выводы о значимости критики для рациональности.

Быть может, рациональную критику лучше сравнивать не с орудием (или оружием) в руках рационалиста, а с благожелательной беседой, участники которой принципиальны, но не догматичны, способны к самокоррекции и энергичному творчеству. Культура, в которой такое сравнение не слишком хромает, близка к идеалу рациональности.

Против этого сравнения, казалось бы, говорит тот факт, что критикуемый объект не всегда обладает имманентной рациональностью. Но принцип рациональной реконструкции позволяет в таких случаях говорить о "самокритике" рациональности: критик наделяет объект своей собственной рациональностью и, таким образом, ведет диалог с самим собой (не самый легкий вид диалога!). Самокритика имеет место и тогда, когда в диалоге участвуют равноправные рациональности, отличные одна от другой. Сочетание критики и самокритики, образующее бесконечный ряд рефлексий, - это и есть рациональность как процесс. Разобраться в этом процессе методологу помогает гениальное

изобретение Н. Бора (опиравшегося на идеи С. Кьеркегора и У. Джемса) - принцип дополнительности, примененный к описанию двух фундаментальных состояний: "открытой" и "закрытой" рациональности.

Исследование "ситуации критики" опирается не только на методологические регулятивы. Оно направляется также и ценностной установкой: наша рациональность такова, какими мы способны предстать в критических напряжениях мысли и действия. И следовательно, жесткие конструкции теории рациональности опираются на зыбкую почву человеческой мечты и надежды. Но как знать, не есть ли это самая надежная опора? Рушатся цивилизации, меняются научные картины мира, но мечта о добром и могущественном Разуме, управляющем миром, остается вечной.

-
- 1 Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 169.
 - 2 Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 449.
 - 3 Там же. С. 454.
 - 4 Там же. С. 267.
 - 5 Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 125.
 - 6 См. Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М., 1989.
 - 7 Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. N 6. С. 95.
 - 8 Ракитов А.И. Рациональность и теоретическое познание // Вопросы философии. 1983. N 11. С. 69.
 - 9 Швырев В.С. Цит. соч. С. 95.
 - 10 Там же. С. 96.
 - 11 См.: Порус В.М. Системный смысл понятия "научная рациональность" // Философская и социологическая мысль. Киев, 1992. N 1-2.
 - 12 Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 454.
 - 13 Порус В.Н. Парадоксы научной рациональности и этики: попытка аналогии // Философская и социологическая мысль. Киев, 1992. N 3. С. 83-96.
 - 14 Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977. С. 100-124.
 - 15 В философско-методологической литературе подобные ситуации называют "антиномиями-проблемами"; термин предложен И.С. Нарским.